

Цветы маленькой Иды

Андерсен Г.Х.

— Бедные мои цветочки совсем завяли! — сказала маленькая Ида. — Вчера вечером они были такие красивые, а теперь совсем повесили головки! Отчего это? — спросила она студента, сидевшего на диване.

Она очень любила этого студента, — он умел рассказывать чудеснейшие истории и вырезать презабавные фигурки: сердечки с крошками танцовщицами внутри, цветы и великолепные дворцы с дверями и окнами, которые можно было открывать. Большой забавник был этот студент!

— Что же с ними? — спросила она опять и показала ему свой завядший букет.

— Знаешь что? — сказал студент. — Цветы были сегодня ночью на балу, вот и повесили теперь головки!

— Да ведь цветы не танцуют! — сказала маленькая Ида.

— Танцуют! — отвечал студент. — По ночам, когда кругом темно и мы все спим, они так весело пляшут друг с другом, такие балы задают — просто чудо!

— А детям нельзя прийти к ним на бал?

— Отчего же, — сказал студент, — ведь маленькие маргаритки и ландыши тоже танцуют.

— А где танцуют самые красивые цветы? — спросила Ида.

— Ты ведь бывала за городом, там, где большой дворец, в котором летом живёт король и где такой чудесный сад с цветами? Помнишь лебедей, которые подплывали к тебе за хлебными крошками? Вот там-то и бывают настоящие балы!

— Я ещё вчера была там с мамой, — сказала маленькая Ида, — но на деревьях нет больше листьев, и во всём саду ни одного цветка! Куда они все девались? Их столько было летом!

— Они все во дворце — сказал студент. — Надо тебе сказать, что как только король и придворные переезжают в город, все цветы сейчас же убегают из

сада прямо во дворец, и там у них начинается веселье! Вот бы тебе посмотреть! Две самые красивые розы садятся на трон — это король с королевой. Красные петушки гребешки становятся по обеим сторонам и кланяются — это камер-юнкеры. Потом приходят все остальные прекрасные цветы, и начинается бал. Гиацинты и крокусы изображают маленьких морских кадетов и танцуют с барышнями — голубыми фиалками, а тюльпаны и большие жёлтые лилии — это пожилые дамы, они наблюдают за танцами и вообще за порядком.

— А цветочкам не может достаться за то, что они танцуют в королевском дворце? — спросила маленькая Ида.

— Да ведь никто же не знает об этом! — сказал студент. — Правда, ночью заглянет иной раз во дворец старик смотритель с большою связкою ключей в руках, но цветы, как только слышат звяканье ключей, сейчас присмирят, спрячутся за длинные занавески, которые висят на окнах, и только чуть-чуть выглядывают оттуда одним глазом. «Тут что-то пахнет цветами» — бормочет старик смотритель, а видеть ничего не видит.

— Вот забавно! — сказала маленькая Ида и даже в ладоши хлопала. — И я тоже не могу их увидеть?

— Можешь, — сказал студент. — Стоит только, как опять пойдёшь туда, заглянуть в окошки. Вот я сегодня видел там длинную жёлтую лилию; она лежала и потягивалась на диване — воображала себя придворной дамой.

— А цветы из Ботанического сада тоже могут прийти туда? Ведь это далеко!

— Не бойся, — сказал студент, — они могут летать, когда захотят! Ты видела красивых красных, жёлтых и белых бабочек, похожих на цветы? Они ведь и были прежде цветами, только прыгнули со своих стебельков высоко в воздух, забили лепестками, точно крылышками, и полетели. Они вели себя хорошо, за то и получили позволение летать и днём; другие должны сидеть смиренно на своих стебельках, а они летают, и лепестки их стали наконец настоящими крылышками. Ты сама видела их! А впрочем, может быть, цветы из Ботанического сада и не бывают в королевском дворце! Может быть, они даже и не знают, что там идёт по ночам такое веселье. Вот что я скажу тебе: то-то удивится потом профессор ботаники — ты ведь его знаешь, он живёт тут рядом! — когда придёшь в его сад, расскажи какому-нибудь цветочку про большие балы в королевском дворце. Тот расскажет об этом остальным, и они все убегут. Профессор придёт в сад, а там ни единого

цветочка, и он в толк не возьмёт, куда они девались!

— Да как же цветок расскажет другим? У цветов нет языка.

— Конечно, нет, — сказал студент, — зато они умеют объясняться знаками! Ты сама видела, как они качаются и шевелят своими зелёными листочками, чуть подует ветерок. Это у них так мило выходит — точно они разговаривают!

— А профессор понимает их знаки? — спросила маленькая Ида.

— Как же! Раз утром он пришёл в свой сад и видит, что большая крапива делает листочками знаки прелестной красной гвоздике; этим она хотела сказать гвоздике: «Ты так мила, я очень тебя люблю!» Профессору это не понравилось, и он сейчас же ударил крапиву по листьям — листья у крапивы всё равно, что пальцы, — да обжёгся! С тех пор и не смеет её трогать.

— Вот забавно! — сказала Ида и засмеялась.

— Ну можно ли набивать ребёнку голову такими бреднями? — сказал скучный советник, который тоже пришёл в гости и сидел на диване.

Он терпеть не мог студента и вечно ворчал на него, особенно когда тот вырезывал затейливые, забавные фигурки, вроде человека на виселице и с сердцем в руках — его повесили за то, что он воровал сердца, — или старой ведьмы на помеле, с мужем на носу.

Всё это очень не нравилось советнику, и он всегда повторял:

— Ну можно ли набивать ребёнку голову такими бреднями? Глупые выдумки!

Но Иду очень позабавил рассказ студента о цветах, и она думала об этом целый день. «Так цветочки повесили головки потому, что устали после бала!» И маленькая Ида пошла к своему столику, где стояли все её игрушки; ящик столика тоже битком был набит разным добром. Кукла Софи лежала в своей кроватке и спала, но Ида сказала ей:

— Тебе придётся встать, Софи, и полежать эту ночь в ящике: бедные цветы больны, их надо положить в твою постельку, — может быть, они и выздоровеют!

И она вынула куклу из кровати. Софи посмотрела на Иду очень недовольно и не сказала ни слова, — она рассердилась за то, что у неё отняли постель.

Ида уложила цветы, укрыла их хорошенько одеялом и велела им лежать смирно, за это она обещала напоить их чаем, и тогда они встали бы завтра утром совсем здоровыми! Потом она задёрнула полог, чтобы солнце не светило цветам в глаза.

Рассказ студента не шёл у неё из головы, и, собираясь идти спать, Ида не могла удержаться, чтобы не заглянуть за спущенные на ночь оконные занавески: на окошках стояли чудесные мамины цветы — тюльпаны и гиацинты, и маленькая Ида шепнула им:

— Я знаю, что у вас ночью будет бал!

Цветы стояли, как ни в чём не бывало, и даже не шелохнулись, ну да маленькая Ида что знала, то знала.

В постели Ида долго ещё думала о том же и всё представляла себе, как это должно быть мило, когда цветочки танцуют! «Неужели и мои цветы были на балу во дворце?» — подумала она и заснула.

Но посреди ночи маленькая Ида вдруг проснулась, она видела сейчас во сне цветы, студента и советника, который бранил студента за то, что набивает ей голову пустяками. В комнате, где лежала Ида, было тихо, на столе горел ночник, и папа с мамой крепко спали.

— Хотелось бы мне знать: спят ли мои цветы в постельке? — сказала маленькая Ида про себя и приподнялась с подушки, чтобы посмотреть в полуоткрытую дверь, за которой были её игрушки и цветы; потом она прислушалась, — ей показалось, что в той комнате играют на фортепьяно, но очень тихо и нежно; такой музыки она никогда ещё не слыхала.

— Это, верно, цветы танцуют! — сказала Ида. — Господи, как бы мне хотелось посмотреть!

Но она не смела встать с постели, чтобы не разбудить папу с мамой.

— Хоть бы цветы вошли сюда! — сказала она.

Но цветы не входили, а музыка всё продолжалась, такая тихая, нежная, просто чудо! Тогда Идочка не выдержала, потихоньку вылезла из кровати,

прокралась на цыпочках к дверям и заглянула в соседнюю комнату. Что за прелесть была там!

В той комнате не горело ночника, а было всё-таки светло, как днём, от месяца, глядевшего из окошка прямо на пол, где в два ряда стояли тюльпаны и гиацинты; на окнах не осталось ни единого цветка — одни горшки с землёй. Цветы очень мило танцевали: они то становились в круг, то, взявшись за длинные зелёные листочки, точно за руки, кружились парами. На фортепьяно играла большая жёлтая лилия — это, наверное, её маленькая Ида видела летом! Она хорошо помнила, как студент сказал: «Ах, как она похожа на фрекен Лину!» Всё посмеялись тогда над ним, но теперь Иде и в самом деле показалось, будто длинная жёлтая лилия похожа на Лину; она и на рояле играла так же, как Лина: поворачивала своё продолговатое лицо то в одну сторону, то в другую и кивала в такт чудесной музыке. Никто не заметил Иды.

Вдруг маленькая Ида увидела, что большой голубой крокус вскочил прямо на середину стола с игрушками, подошёл к кукольной кроватке и отдёргнул полог; там лежали больные цветы, но они живо поднялись и кивнули головками, давая знать, что и они тоже хотят танцевать. Старый Курилка со сломанной нижней губой встал и поклонился прекрасным цветам; они совсем не были похожи на больных — прыгнули со стола и принялись веселиться вместе со всеми.

В эту минуту что-то стукнуло, как будто что-то упало на пол. Ида посмотрела в ту сторону — это была масленичная верба: она тоже прыгнула со стола к цветам, считая, что она им сродни. Верба тоже была мила; её украшали бумажные цветы, а на верхушке сидела восковая куколка в широкополой чёрной шляпе, точь-в-точь такой, как у советника. Верба прыгала посреди цветов и громко топала своими тремя красными деревянными ходульками, — она танцевала мазурку, а другим цветам этот танец не удавался, потому что они были слишком легки и не могли топать. Но вот восковая кукла на вербе вдруг вытянулась, завертелась над бумажными цветами и громко закричала:

— Ну можно ли набивать ребёнку голову такими бреднями? Глупые выдумки!

Теперь кукла была точь-в-точь советник, в чёрной широкополой шляпе, такая же жёлтая и сердитая! Но бумажные цветы ударили её по тонким ножкам, и она опять съёжилась в маленькую восковую куколку. Это было так забавно, что Ида не могла удержаться от смеха.

Верба продолжала плясать, и советнику волей-неволей приходилось плясать вместе с нею, всё равно — вытягивался ли он во всю длину, или оставался маленькою восковою куколкой в чёрной широкополой шляпе. Наконец уж цветы, особенно те, что лежали в кукольной кровати, стали просить за него, и верба оставила его в покое. Вдруг что-то громко застучало в ящике, где лежала кукла Софи и другие игрушки. Курилка побежал по краю стола, лёг на живот и приотворил ящик. Софи встала и удивлённо огляделась.

— Да у вас, оказывается, бал! — проговорила она. — Что же это мне не сказали?

— Хочешь танцевать со мной? — спросил Курилка.

— Хорош кавалер! — сказала Софи и повернулась к нему спиной; потом уселась на ящик и стала ждать — авось её пригласит кто-нибудь из цветов, но никто и не думал её приглашать. Она громко кашлянула, но и тут никто не подошёл к ней. Курилка плясал один, и очень недурно!

Видя, что цветы и не глядят на неё, Софи вдруг свалилась с ящика на пол и наделала такого шума, что все сбежались к ней и стали спрашивать, не ушиблась ли она? Все разговаривали с нею очень ласково, особенно те цветы, которые только что спали в её кроватке; Софи нисколько не ушиблась, и цветы маленькой Иды стали благодарить её за чудесную постельку, потом увели с собой в лунный кружок на полу и принялись танцевать с ней, а другие цветы кружились вокруг них. Теперь Софи была очень довольна и сказала цветочкам, что охотно уступает им свою кроватку, — ей хорошо и в ящике!

— Спасибо! — сказали цветы. — Но мы не можем жить так долго! Утром мы совсем умрём! Скажи только маленькой Иде, чтобы она схоронила нас в саду, где зарыта канарейка; летом мы опять вырастем и будем ещё красивее!

— Нет, вы не должны умирать! — сказала Софи и поцеловала цветы.

В это время дверь отворилась, и в комнату вошла целая толпа цветов Ида

никак не могла понять, откуда они взялись, — должно быть, из королевского дворца. Впереди шли две прелестные розы с маленькими золотыми коронами на головах — это были король с королевой. За ними, раскланиваясь во все стороны, шли чудесные левкой и гвоздики. Музыканты — крупные маки и пионы — дули в шелуху от горошка и совсем покраснели от натуги, а маленькие голубые колокольчики и беленькие подснежники звенели, точно на них были надеты бубенчики. Вот была забавная музыка! Затем шла целая толпа других цветов, и все они танцевали — и голубые фиалки, и красные ноготки, и маргаритки, и ландыши. Цветы так мило танцевали и целовались, что просто загляденье!

Наконец все пожелали друг другу спокойной ночи, а маленькая Ида тихонько пробралась в свою кроватку, и ей всю ночь снились цветы и всё, что она видела.

Утром она встала и побежала к своему столику посмотреть, там ли её цветочки.

Она отдёрнула полог — да, они лежали в кроватке, но совсем, совсем завяли! Софи тоже лежала на своём месте в ящике и выглядела совсем сонной.

— А ты помнишь, что тебе надо передать мне? — спросила её Ида.

Но Софи глупо смотрела на неё и не раскрывала рта.

— Какая же ты нехорошая! — сказала Ида. — А они ещё танцевали с тобой!

Потом она взяла картонную коробочку с нарисованною на крышке хорошенькою птичкой, открыла коробочку и положила туда мёртвые цветы.

— Вот вам и гробик! — сказала она. — А когда придут мои норвежские кузены, мы вас зароем в саду, чтобы на будущее лето вы выросли ещё красивее!

Ионас и Адольф, норвежские кузены, были бойкие мальчуганы; отец подарил им по новому луку, и они пришли показать их Иде. Она рассказала им про бедные умершие цветы и позволила помочь их похоронить. Мальчики шли впереди с луками на плечах; за ними маленькая Ида с мёртвыми цветами в коробке. Вырыли в саду могилу, Ида поцеловала цветы и опустила коробку в яму, а Ионас с Адольфом выстрелили над могилкой из луков, — ни ружей, ни пушек у них ведь не было.